

Ответственность за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ): вопросы законодательной конструкции и практики применения

Аннотация. Анализ текста ст. 309 УК РФ позволил выявить ряд недостатков законодательной конструкции предусмотренных ею составов преступлений. Сделан вывод о том, что разная степень опасности подкупа и принуждения участников судопроизводства, положенная в основу конструкции их основных составов (ч. 1 и 2 ст. 309 УК РФ), должна быть выдержана в их квалифицированных составах (ч. 4 ст. 309 УК РФ). То есть подкуп, совершенный организованной группой, и принуждение, совершенное организованной группой, должны быть предусмотрены не в одной, а в разных частях ст. 309 УК РФ, содержащих при этом разные санкции.

В статье 309 УК РФ применение насилия, неопасного для жизни или здоровья, является квалифицирующим признаком принуждения участников судопроизводства (ч. 3). Стало быть, и применение насилия, опасного для жизни или здоровья, может быть признаком только принуждения указанных лиц.

Требуется дальнейшая дифференциация ответственности в рамках ч. 2 ст. 309 УК РФ, поскольку принуждение к действию объективно опаснее принуждения к бездействию.

Другие пробелы в законодательной конструкции ст. 309 УК РФ выявлены в ходе исследования судебно-следственной практики ее применения. Сделан вывод о том, что формально принуждение потерпевшего к уклонению от подачи заявления (или подкуп его с этой целью) не равнозначно принуждению к уклонению от дачи показаний, поскольку подача заявления в правоохранительные органы о совершенном преступлении нельзя считать дачей показаний. В этом смысле следует признать, что диспозиция нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 309 УК РФ, содержит пробел, который необходимо устранить путем указания на принуждение к уклонению от подачи заявления о преступлении.

Ключевые слова: принуждение, подкуп, потерпевший, преступление против правосудия, судебная практика, участники судопроизводства, уклонение от дачи показаний, УК РФ.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.102-108

© Кочои С. М., 2019

* Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник юстиции России
sam.kochoi@bk.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Статья 309 УК РФ предусматривает ответственность за разные общественно опасные деяния против правосудия:

- подкуп участников судопроизводства (свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода);
- принуждение указанных лиц (свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких).

Законодатель справедливо считает, что подкуп указанных в ст. 309 УК РФ участников судопроизводства (ч. 1) является менее опасным преступлением, чем принуждение этих лиц (ч. 2). Соответственно, если наиболее строгим наказанием за простой подкуп является арест (на срок до трех месяцев), то простое принуждение наказывается лишением свободы (на срок до трех лет). Однако придерживается этой позиции законодатель только на уровне основных составов подкупа (ч. 1 ст. 309 УК РФ) и принуждения участников судопроизводства (ч. 2 ст. 309 УК РФ). Совершение указанных деяний приотягчающем обстоятельстве — организованной группой (ч. 4 ст. 309 УК РФ) — наказывается одинаково: лишением свободы на срок от трех до семи лет. Очевидно, разная степень опасности подкупа и принуждения участников

судопроизводства, положенная в основу конструкции их основных составов, должна быть выдержана в их квалифицированных составах. То есть подкуп, совершенный организованной группой, и принуждение, совершенное организованной группой, должны быть предусмотрены не в одной (как сейчас), а в разных частях ст. 309 УК РФ, содержащих при этом разные санкции¹.

Однако недостатки конструкции ч. 4 ст. 309 УК РФ вышесказанным не исчерпываются. Помимо организованной группы, она содержит такой общий для составов подкупа и принуждения участников судопроизводства квалифицирующий признак, как применение насилия, опасного для жизни или здоровья указанных лиц. Достаточно сложно согласиться с тем, что при совершении подкупа участников судопроизводства возможно применение насилия. Если бы такое обстоятельство было действительно криминологически обоснованным, то, наверняка, во всех составах коррупционных преступлений законодатель также предусмотрел бы ответственность за подкуп (должностного лица, лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, и др.), совершенный с применением насилия, опасного для жизни или здоровья указанных лиц. Также следует обратить внимание на то, что в ст. 309 УК РФ применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, является квалифицирующим признаком только принуждения участников судопроизводства (ч. 3). Стало быть, и применение насилия, опасного для жизни или здоровья, может быть признаком только принуждения указанных лиц. В этом отношении часть 4 ст. 309 УК РФ нуждается в соответствующей корректировке.

¹ В литературе высказано мнение о том, что в ст. 309 УК РФ должна быть предусмотрена ответственность за совершение перечисленных в ней деяний не только организованной группой, но и преступной организацией (преступным сообществом) (см.: Белоцерковский С. Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // *Lex russica*. 2018. № 1. С. 126—143). На наш взгляд, более актуальной и криминологически оправданной является дополнение ст. 309 УК РФ другим признаком — совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. Такое же предложение содержится в диссертации: Райгородский В. В. Уголовно-правовая характеристика подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 12.

Говоря о совершенствовании норм, предусмотренных ст. 309 УК РФ, нельзя не сказать о необходимости дальнейшей дифференциации ответственности в рамках ч. 2, объединяющей ответственность за *принуждение к действию* (к даче свидетелем и потерпевшим ложных показаний, экспертом и специалистом — ложного заключения, к осуществлению переводчиком неправильного перевода) с *принуждением к бездействию* (к уклонению от дачи показаний, соединенному с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества указанных выше лиц или их близких). Как нам представляется, ответственность за принуждение к действию и бездействию целесообразно разделить исходя из того, что первое объективно опаснее второго.

Однако не только анализ текста ст. 309 УК РФ, но и изученная нами судебная практика подтверждает наличие в анализируемой статье пробелов, которые не способствуют эффективному противодействию посягательствам на правосудие. В частности, речь идет о ситуации, относительно которой нами было подготовлено научно-консультативное заключение по запросу одного из участников уголовного судопроизводства — адвоката.

Согласно материалам дела, в ночь с 27 на 28 июня 2018 г. С., выступая в качестве организатора и соисполнителя, и Д., выступая в качестве соисполнителя, совершили тайное хищение имущества Ж. и К. в особо крупном размере. Д. и С., желая избежать уголовной ответственности за совершенное ими преступление, 8 июля 2018 г. на принадлежащей С. автомашине путем обмана привезли потерпевшего Ж. к подъезду дома, в котором проживала С., где совместно совершили принуждение Ж. к уклонению от направления им и К. в правоохранительные органы заявлений о преступлении, а также принуждение Ж. к уклонению от дачи показаний в качестве потерпевшего по уголовному делу, соединенное с угрозой убийством и причинением вреда здоровью, с применением насилия,

опасного для жизни и здоровья, повлекшего причинение легкого вреда здоровью.

Постановлением следователя СУ МВД России по г. Москве от 16.05.2019 С. и Д. были привлечены к ответственности по ст. 158 (ч. 4, п. «б») и 309 (ч. 4) УК РФ.

Иную квалификацию в этом деле предложили органы прокуратуры. По их мнению, статьей 309 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение неправомерных действий в отношении конкретных участников уголовного судопроизводства, в частности «свидетелей и потерпевших, статус которых лицо получает только после возбуждения уголовного дела». По смыслу закона принуждение к даче ложных показаний или отказу и уклонению от дачи показаний может иметь место при производстве предварительного следствия или дознания. В данном случае событие имело место 8 июля 2018 г., а уголовное дело возбуждено 9 июля 2018 г. Таким образом, с точки зрения прокуратуры, в действиях Д. и С. отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ.

Как известно, в уголовно-правовой науке вопрос о том, с какого момента должна наступать ответственность за принуждение, предусмотренное ч. 2—4 ст. 309 УК РФ, является спорным. Так, по признанию ряда авторов, «часто возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности по ст. 309 УК РФ, если принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний имело место в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, когда органам предварительного расследования еще не стало известно о совершенном деянии». Однако поскольку «в данной ситуации с точки зрения УПК РФ субъектов посягательства, каковыми являются потерпевший или свидетель, еще нет, т.е. указанные лица процессуально находятся за пределами предварительного расследования и судебного разбирательства, то и преступление, предусмотренное ст. 309 УК РФ, отсутствует, а есть состав преступления против личности»².

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. Т. 2.

Имеется и противоположное мнение, в соответствии с которым потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ, может быть лицо, «которое еще не допрашивалось в качестве свидетеля или потерпевшего в ходе предварительного следствия или в суде»³.

Проведенный нами анализ материалов судебной практики применения ст. 309 УК РФ выявил решения, аналогичные решению органов следствия по рассматриваемому делу Д. и С. Примером могут служить следующие дела.

И. Р. умышленно на почве возникших в ходе конфликта личных неприязненных отношений с целью причинения тяжкого вреда здоровью нанес пять ударов руками по различным частям тела П. С., причинив потерпевшему тяжкий вред здоровью, опасный для его жизни, в виде тупой травмы живота с разрывом селезенки. Через три дня И. Р., зная о проведении в отношении него проверки по факту причинения тяжкого вреда здоровью П. С., угрожая применением насилия, потребовал от потерпевшего дачи ложных показаний. П. С. угрозу применения насилия воспринял реально, поскольку имелись основания опасаться ее осуществления, и дал ложные показания о получении им телесных повреждений якобы в результате падения с балкона своей квартиры. В результате этого участковым уполномоченным полиции отдела МВД России было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Суд признал И. Р. виновным в принуждении потерпевшего к даче ложных показаний, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ⁴.

Б., после неоднократного применения насилия в отношении К., находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире потерпевшей, умышленно, с целью принуждения к отказу от заявления о привлечении его к уголовной от-

ветственности и к уклонению от дачи показаний в качестве потерпевшей по уголовному делу высказал угрозу убийством в адрес потерпевшей и нанес ей два удара кулаком по лицу, пять ударов ногой по телу, четыре удара ногой по рукам, причинив ей легкий вред здоровью. Суд квалифицировал действия Б. по ч. 3 ст. 309 УК РФ как принуждение потерпевшего к уклонению от дачи показаний, соединенное с угрозой убийством, совершенное с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья⁵.

А. В. нанес побои Ф. И., которая по данному факту обратилась в ОМВД России с заявлением о привлечении А. В. к уголовной ответственности. Через два дня А. В., находясь в квартире потерпевшей, с целью избежать уголовной ответственности за нанесение побоев ей, потребовал забрать из органа внутренних дел заявление о привлечении его к уголовной ответственности и не давать показания против него, применив насилие, не опасное для жизни и здоровья Ф. И. Он нанес потерпевшей один удар кулаком в лицо, а также множество ударов руками и ногами по телу потерпевшей, сдавливал ногой ее грудную клетку, а затем правой рукой стал сдавливать шею Ф. И., производя удушение потерпевшей, высказывая при этом в ее адрес угрозы убийством. Потерпевшая угрозы А. В. восприняла реально и, опасаясь осуществления данных угроз, с целью прекращения его противоправных действий дала обещание забрать из органа внутренних дел заявление о привлечении А. В. к уголовной ответственности, а также не давать показания против него. Районным судом действия А. В. квалифицированы по ч. 3 ст. 309 УК РФ как принуждение потерпевшего к уклонению от дачи показаний, соединенное с угрозой убийством, совершенное с применением насилия не опасного для жизни и здоровья⁶.

³ Крылова Н. Е. Подкуп свидетеля, потерпевшего и иных участников процесса: проблемы теории и правоприменения // Уголовное право. 2018. № 3. С. 58—71.

⁴ Приговор Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 6 мая 2015 г. № 1-170/2015 по делу № 1-170/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/court/zYv7dCgFRLrS/>.

⁵ Приговор Малмыжского районного суда Кировской области от 6 июня 2014 г. № 1-26/14(16043) 1-26/2014 // URL: <https://sudact.ru/regular/court/GHmKa8eKTGUQ/>.

⁶ Приговор Хасанского районного суда Приморского края от 13 октября 2016 г. № 1-169/2016 по делу № 1-169/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/court/LtPBVGHPzBxK/>.

Если говорить о позиции высших судебных инстанций по рассматриваемому вопросу, то она сводится к следующему.

Конституционный Суд РФ в определении от 17.11.2011 № 1555-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Смирновой Валентины Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» разъяснил, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав».

В постановлении от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» Конституционный Суд РФ напомнил о том, что уголовно-процессуальные механизмы, устанавливаемые федеральным законодателем, должны «в максимальной степени способствовать защите от преступлений, предупреждению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам таких посягательств доступ к правосудию». Отвечая в этом же постановлении на вопрос о том, с какого момента лицо может считаться потерпевшим, Конституционный Суд РФ указал следующее: «Поскольку преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, каковым признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ст. 9 УК Российской Федерации), а сами вредные последствия в виде физическо-

го, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу (или с момента, когда лицу стало об этом известно), такое лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О, от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О и др.)».

По рассматриваемому вопросу с Конституционным Судом РФ солидарен и Верховный Суд РФ. Так, в постановлении от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» Пленум Верховного Суда разъяснил, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется постановлением (дознавателя, следователя или суда. — С. К.) о признании потерпевшим, но не формируется им».

Имеющиеся разъяснения высших судебных инстанций государства однозначно свидетельствуют о необходимости учета при принятии уголовно-процессуальных решений в отношении лица, которому преступлением причинен вред, его фактического положения. Само же формальное признание данного лица потерпевшим постановлением должностных лиц правоохранительных органов или судом является лишь констатацией такого положения.

Далее, говоря о названном в ст. 309 УК РФ потерпевшем, следует обратить внимание на то, что объектом предусмотренного ею преступления является правосудие (интересы правосудия). Не вызывает сомнений, что принуждение потерпевшего к отказу (уклонению) от подачи заявления в правоохранительные органы по факту совершенного в его отношении преступления посягает на правосудие, поскольку препятствует изобличению и привлечению к уголовной ответственности виновного лица.

Кроме того, необходимо отметить, что отказ такому лицу в защите его прав как потерпевшего только потому, что он еще таковым формально не признан, и, наоборот, разрешение этого лицу, формально признанному потерпевшим,

нарушает принцип равенства граждан перед законом, закрепленный в Конституции РФ (ст. 19) и УК РФ (ст. 4).

Таким образом, анализ положений УК РФ, УПК РФ о потерпевшем во взаимосвязи с соответствующими постановлениями Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что применение уголовно-правовых норм о потерпевшем должно преследовать цель защиты его прав и интересов. Принуждение такого лица к даче показаний или уклонению от дачи показаний фактически посягает на правосудие независимо от того, признано оно официально потерпевшим со стороны должностных лиц правоохранительных органов и суда или нет. Соответственно, мнение о том, что «лицо получает статус потерпевшего только после возбуждения уголовного дела», не пред-

ставляется в достаточной степени обоснованным, в том числе по причине несоответствия правовой позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Наряду с этим, следует признать, что формально принуждение потерпевшего к уклонению от подачи заявления (или подкуп его с этой целью) не равнозначно принуждению к уклонению от дачи показаний, поскольку подача заявления в правоохранительные органы о совершенном преступлении нельзя считать дачей показаний. В этом смысле следует признать, что ст. 309 УК РФ содержит пробел, который необходимо устранить, в том числе по изложенным выше соображениям. Представляется, что диспозицию ч. 2 ст. 309 УК РФ следует дополнить указанием на принуждение к уклонению от подачи заявления о преступлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белоцерковский С. Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Lex russica. — 2018. — № 1. — С. 126—143.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. — 2-е изд. / под ред. А. В. Бриллиантова. — М. : Проспект, 2015. — Т. 2. — 704 с.
3. Крылова Н. Е. Подкуп свидетеля, потерпевшего и иных участников процесса: проблемы теории и правоприменения // Уголовное право. — 2018. — № 3. — С. 58—71.
4. Райгородский В. В. Уголовно-правовая характеристика подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2009. — 27 с.

Материал поступил в редакцию 1 августа 2019 г.

RESPONSIBILITY FOR BRIBERY OR COERCION TO TESTIFY OR AVOIDANCE OF GIVING TESTIMONY OR MISINTERPRETING (ART. 309 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): LEGISLATIVE STRUCTURE AND IMPLEMENTATION PRACTICES

Samvel M. Kochoi, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Justice of Russia
sam.kochoi@bk.ru
9 Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993, Russia

Abstract. The text analysis of Art. 309 of the Criminal Code of the Russian Federation revealed a number of shortcomings in the legislative structure of the component elements of a crime provided for therein. It is concluded

that a different degree of danger of bribery and coercion of the participants in the legal proceedings underlying the design of their basic structures (parts 1 and 2 of Art. 309 of the Criminal Code of the Russian Federation) must be sustained in their qualified compositions (part 4 of Art. 309 of the Criminal Code RF). That is, bribery committed by an organized group and coercion committed by an organized group should be provided not in one but in different parts of Art. 309 of the Criminal Code, containing various sanctions.

In Art. 309 of the Criminal Code, the use of violence that is not dangerous to life or health is a qualifying element of coercion of participants in legal proceedings (part 3). Consequently, the use of violence dangerous to life or health can only be an element of coercion of these persons.

Further differentiation of responsibility is required under Part 2 of Art. 309 of the Criminal Code, since coercion to action is objectively more dangerous than coercion to inaction.

Other gaps in the legislative structure of Art. 309 of the Criminal Code of the Russian Federation were identified in the course of a study of the judicial investigative practice of its application. It is concluded that formally forcing the victim to avoid reporting the crime (or bribing him for this purpose) is not tantamount to forcing him to avoid giving testimony, since reporting a crime with the law enforcement authorities cannot be considered a testimony. In this sense, it should be recognized that the disposition of the norm contained in Part 2 of Art. 309 of the Criminal Code, contains a gap that must be addressed by pointing to coercion to avoid reporting a crime.

Keywords: coercion, bribery, victim, crime against justice, judicial practice, participants in legal proceedings, avoidance of giving testimony, Criminal Code of the Russian Federation.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belocerkovskij S. D. Napravleniya optimizacii ugovnogo zakonodatel'stva v kontekste optimizacii sistemy pravovogo regulirovaniya bor'by s organizovannoj prestupnost'yu // Lex russica. — 2018. — № 1. — S. 126—143.
2. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) : v 2 t. — 2-e izd. / pod red. A. V. Brilliantova. — M. : Prospekt, 2015. — T. 2. — 704 s.
3. Krylova N. E. Podkup svidetelya, poterpevshego i inyh uchastnikov processa: problemy teorii i pravoprimereniya // Uголовное право. — 2018. — № 3. — S. 58—71.
4. Rajgorodskij V. V. Uголовно-правовая характеристика подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправомерному переводу : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2009. — 27 s.